

ВЕСТНИК

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА ТРЕТЬЯ

ФЕВРАЛЬ 1923 ГОД

ОПЕЧАТКА:

Книга третья „Вестника„ помечена февралем
месяцем, следует читать: февраль—март.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

К теории рынка.

(По поводу доклада т. Тальгеймера на конгрессе Коминтерна).

Одним из самых интересных теоретических вопросов, поставленных в порядок дня IV Конгресса Коммунистического Интернационала, был несомненно вопрос о программе. Учитывая всю сложность стоящей перед авангардом мирового пролетариата теоретической задачи, конгресс решил окончательных решений по указанному пункту порядка дня не принимать и ограничиться предварительной дискуссией с тем, чтобы перенести дебаты на страницы коммунистической печати. На пленуме конгресса было лишь заслушано три доклада, выявивших целый ряд разногласий между референтами. Обнаружилось расхождение как в трактовке вводной части программы, ее теоретического обоснования, так и в формулировке ее тактической части, т.-е. конкретных целей и требований, за осуществление которых борется Коммунистический Интернационал. Это только доказывает, что международный съезд коммунистических партий поступил совершенно правильно, когда он решил подвергнуть представленные проекты программы детальному обсуждению в недрах отдельных секций Коминтерна и вновь поставить этот вопрос на V конгрессе, который должен собраться в текущем 1923 году.

Перед нами столь важный, и вместе с тем столь сложный вопрос, что я далек от мысли охватить его в полном объеме. Один только доклад т. Бухарина, изобилующий множеством интереснейших замечаний и целым рядом свежих и ярких формулировок, заслуживал бы детального рассмотрения, но это, повторяю, не входит в мою задачу. В настоящей статье я хочу ограничиться до

кладом т. Тальгеймера и при том лишь той его частью, которая была посвящена общему, теоретическому отделу программы Коммунистического Интернационала. Именно эта часть представляется мне наиболее спорной с точки зрения ортодоксального марксизма. Т. Тальгеймер—последовательный сторонник экономической концепции Розы Люксембург. Он безоговорочно принимает ее теорию накопления капитала и данное ею экономическое объяснение империализма. Он не смущается тем фактом, что эта теория нашла очень немногих приверженцев даже в среде радикальной части старых социалистических партий, составившей впоследствии ядро Коммунистического Интернационала. Т. Тальгеймер, конечно, хочет быть последовательным до конца и предлагает положить в основу „Коммунистического Манифеста“ XX столетия положения, развитые Розой Люксембург в ее главных экономических работах. Более того, он заявляет, что отрицающие эти положения тем самым «дают теоретическое доказательство невозможности социализма» и открывают себе дорогу в лагерь буржуазии. Правда, русские революционные марксисты 90-х годов (в том числе т. Ленин) в своих полемических работах, направленных против народнического скептицизма, дали теорию, глубоко отличную от построений Р. Люксембург, и тем не менее остались в рядах борющегося пролетариата. Но и это не играет роли для т. Тальгеймера. Он решительно заявляет, что подобного рода поведение некоторых русских марксистов (из контекста его речи было совершенно ясно, кого он имеет в виду) «объясняется их теоретической непоследовательностью» ¹⁾...

О теории Р. Люксембург в русской литературе до сих пор почти ничего не писалось,—факт, который объясняется отчасти тем, что главные ее работы — «Накопление капитала» и «Антикритика»—стали доступны широким кругам русских марксистов лишь года 1¹/₂—2 тому назад. В 1921 г., еще до выхода в свет русского издания «Накопления», я пытался вызвать дискуссию по поводу этой изумительной и блестящей во многих отношениях

¹⁾ „Bulletin des IV. Kongresses der Kommunistischen Internationale“ № 14—15. Moskau d. 23. Nov. 1922. 14. Sitz.

книги и написал с этой целью небольшой критический разбор теории Р. Люксембург ¹⁾. Отклик, однако, не последовало. Сейчас, когда речь идет о принятии «Накопления капитала» за основу теоретической части программы Коминтерна, и когда этот вопрос получает в известном смысле актуальное значение, он, мне кажется, должен вызвать более внимательное к себе отношение. Руководствуясь этими соображениями, я делаю, так сказать, вторичный почин,—тем более, что детальное обсуждение работ Р. Люксембург в одном из руководимых мною семинариев еще больше убедило меня в правильности сделанных мною в свое время критических замечаний.

* * *

Первая работа Р. Люксембург о «Накоплении капитала» начинается изложением и критикой знаменитых схем воспроизводства, данных Марксом в III отделе II тома его бессмертного труда,—тех самых схем, которые Р. Гильфердинг назвал в свое время гениальным осуществлением гениальной идеи отца школы физиократов Ф. Кенэ. Первые главы представляют собою столь блестящую систематизацию и популяризацию марксовской теории рынка, что читателю и в голову не приходит, что все дальнейшее изложение будет посвящено критике этой теории и попытке конструировать теоретическую систему, совершенно отличную от концепции автора «Капитала». Р. Люксембург пытается, так сказать, дискредитировать схемы Маркса, которые, как известно, не были им в достаточной мере обработаны и вошли в его литературное наследство лишь в виде черновых набросков. В частности, она не удовлетворяется незаконченным анализом воспроизводства денежного материала, высказывая при этом убеждение, что если бы Маркс и продолжил начатый им анализ, то он все равно не добился бы удовлетворительного результата ²⁾. Вообще же нужно

¹⁾ Журнал «Красная новь» за 1921 г. № 1.

²⁾ Р. Люксембург «Накопление капитала». Москва 1921 г., стр. 56 и сл. Тов. В. Позняков в докладе, прочитанном им весной 1922 г. в одном из экономических семинариев Института Красной Профессуры, показал, что если в воспроизводстве денежного материала подходить, как к самостоятельному подразделению всего общественного воспроизводства, и рассматривать

сказать, что эта сторона ее критики носит несколько ледантический характер: значительная часть ее полемических замечаний покоится на том, что Маркс в некоторых случаях неудачно выбрал цифры для своих схем. Гораздо важнее другая тенденция Р. Люксембург, достаточно ясно выраженная в ее оценке схем воспроизводства II тома «Капитала». Она стремится доказать, что из этих схем можно сделать какие угодно выводы, вплоть до самых апологетических, при этом она особенно напирала на Туган-Барановского, который, исходя из марксова анализа воспроизводства, пришел к заключению, что при наличии пропорциональности между отдельными отраслями производства создается возможность для безграничного расцвета производительных сил в рамках капитализма. А если это так, если, базируясь на схемах воспроизводства Маркса, можно увековечить капитализм и создать сикофантскую теорию, которая неизбежно увлекает своих сторонников в «стан ликующих», то пресловутые схемы, по мнению Р. Люксембург, но всяком случае, требуют критического к себе отношения¹⁾. Но так

свашивание денег, как своеобразный процесс „quasi потребления“, падающего в качестве *faux frais* на все капиталистическое общество, то вопрос о репродукции золота разрешается вполне удовлетворительно как для случая простого, так и для случая расширенного воспроизводства. (Доклад этот будет напечатан в I томе трудов слушателей Инст. Кр. Проф.)

¹⁾ Это Туган-Барановский сделал весьма своеобразное „употребление“ из схем Маркса, общеизвестно. Но Маркс в этом абсолютно неповинен, ибо его анализ воспроизводства отнюдь не ограничивается делением всего общественного воспроизводства на репродукцию средств производства и средств потребления; он органически связан со своей экономической системой марксизма. Эту-то сторону дела Туган и игнорирует. Он говорит, например, о возможности расширения общественного производства при одновременном сокращении общественного потребления, без всякого нарушения равновесия между общественными предложениями и спросом. Капиталистическое общество будет производить нефть, уголь и железо для дальнейшего расширения добычи нефти, угля и железа; токарные станки будут рождают токарные станки; работа механических заводов будет завита оборотованием предприятий того же рода. Словом, расширение производства средств производства может продолжаться „до бесконечности“, пока не будут исчерпаны естественные запасы соответствующих материалов. И все это, с точки зрения Тугана, осуществимо не только при стационарном уровне потребления, но и в том случае, если спрос рабочего класса, вытесненного машинами, сведется к нулю, а капиталисты, как выражаются немцы, будут жить *von Lust und Liebe* (см. Туг.-Бар. „Период. промыш. кризисы“ СИБ, 1914. Стр. 220-231). Чем объяснить этот дикий вывод? Суть дела заключается вот в чем. Одержимый денежным фетишизмом, Туган, в качестве достойного сына своего класса, все переводит на рубли и совершенно игнорирует вещественно-материальную или техническую сторону производственного процесса. На самом деле, если группа машин рождает себе подобное потомство, которое предназначено для той же цели, что и его предки, то должен же наступить, в конце

как Р. Люксембург вообще усматривает в схемах Маркса «недостаточный способ доказательства» и так как «проблема накопления,—по ее словам—может быть изложена и понята без них» («Антикритика», русск. пер., стр. 6), то мы не будем останавливаться на разборе ее критических замечаний, направленных против математических (по существу—арифметических) выкладок II тома «Капитала» и попытаемся изложить теорию автора «Накопления», по возможности, придерживаясь в основных пунктах подлинника.

Маркс положил предел бесконечной путанице, царившей в классической политической экономии по вопросу о ценностном составе капиталистически произведенного товара. С легкой руки А. Смита в экономической науке

концов момент, когда появится на сцене машина, предназначенная для производства средств потребления, ибо даже капиталистическое производство движимос исключительно только стремлением к прибыли, объективно всякая служит удовлетворению человеческих потребностей. Без расширения производства муки невозможно расширение производства мукомольных стоек, и без расширения, скажем, производства мыла невозможно расширение добычи соды. Для фетишиста Тугана, который не способен отрешиться от денежных отношений, это ровно ничего не значит: он, по выражению А. А. Богданова, превращает капиталистическую систему „в технически-бессмысленную“. То же самое делает г. Туган когда он для „доказательства“ своих парадоксов без всяких рассуждений переносит неподдающиеся реализации прибыли одного подразделения общественного производства в другое. У капиталистов подразделения средств потребления для рабочих оказывается прибавочная ценность, овеществленная, например, в обуви, мануфактуре и т. д. Этот излишек при данных условиях никак не может быть куцден. Что же делает Туган? Он, ничто же сумняшся, забывает о том, что он имеет дело не с рублями, а с потребительными ценностями вполне определенного назначения, „переносит“ их в подразделения производства средств производства и при помощи сапог и рабочих рубаш начинае строить паровые молоты и выплавлять чугун (ibid, стр. 227). Правда, то же самое делает и О. Бауэр в своей критике книги Р. Люксембург, но при чем тут схемы Маркса? Ведь его главная заслуга в теории воспроизводства заключается именно в том, что он за внешними явлениями рынка усмотрел определенную производственно-техническую связь... С такого рода игнорирования экономической системы марксизма мы сталкиваемся у Тугана. „исходящего“ из схем Маркса на каждом шагу. Я утверждаю, что он никак не мог бы „обосновать“ при помощи теории рынка Маркса своих, поистине, анекдотических, выводов, если бы он придерживался закона тенденции нормы прибыли к понижению. Для своих апологетических целей ему понадобилось отвергнуть этот закон и он „доказал“, что в капиталистическом обществе не самом деле существует противоположная тенденция. Отсюда следует, что нелепые выводы могут быть сделаны из схем Маркса только в том случае, если итти вразрез со всем его учением. Но отсюда вовсе не следует, как это склонна была думать Р. Люксембург, что из схем II тома „Капитала“ можно сделать какое угодно употребление.

утвердилось положение, что ценность товара распадается на заработную плату, затраченную на его производство, и прибавочную ценность ¹⁾. Положение это с течением времени приобрело прочность предрассудка, от которого не мог отрешиться даже такой гигант, как Рикардо,—я не говорю уже о Сисмонди и, тем более, о Сэе. И только Маркс, разоблачивший двойственный характер производящего товара труда, оказался в силах покончить раз навсегда с указанным заблуждением классиков, которые, именно из-за признания формулированного «закона» А. Смита непогрешимым символом веры, отрезали себе все пути к разрешению проблемы реализации и накопления. Маркс показал, что труд, в своем качестве конкретного человеческого труда, обладает способностью переносить на изготовляемый товар ценность, воплощенную в использованных средствах производства, и что тот же самый труд, в качестве труда абстрактного, создает новую ценность, которая в условиях капиталистического способа производства распадается на переменный капитал и прибавочную ценность, или, если пользоваться общепринятыми в марксистской литературе символами, на $v + m$. Маркс, таким образом, дал для всякого капиталистически произведенного товара ценностную формулу $c + v + m$, где c есть не что иное, как затраченная на соответствующий товар часть постоянного капитала.

Нетрудно видеть, что ценностный состав совокупного общественного продукта,—который служил Марксу, как и его предшественнику Кенэ, исходным пунктом для анализа проблемы реализации и воспроизводства,—определяется той же самой формулой. Все товары, произведенные за определенный производственный период и сложенные в один гигантский общественный склад, дали бы нам некую «товарную кашу», в которой мы нашли бы и средства производства, и средства потребления рабочих, и более «деликатные» средства потребления, предназначенные для капиталистов. Если c соответствует третьему слагаемому нашей товарной «кучи», другими словами, если класс ка-

¹⁾ Правда, Смит употреблял вместо понятия «прибавочная ценность» понятия «прибыль» и «земельная рента», но так как он выводил и ту и другую из неоплаченного труда, то мы, в целях упрощения терминологии, пользуемся словупотреблением Маркса.

питалистов без остатка потребляет всю произведенную за данный год прибавочную ценность, то мы имеем случай простого воспроизводства: новый год начинается с прежним капиталом, и производство протекает в одних и тех же рамках, с одним и тем же постоянным и переменным капиталом. Никакого расширения базиса производства в этом случае быть не может, ибо прибавочная ценность, которая является единственным источником для организации новых предприятий или для развития старых, прокучена классом капиталистов. Но капиталистическому способу производства свойственно не простое воспроизводство, а расширенное, не потребление всей созданной прибавочной ценности господствующим классом, а превращение части ее в капитал—процесс, который в марксистской экономике носит название накопления: всякий капиталист, хочет ли он того или нет, *должен* накапливать, ибо иначе он не в состоянии будет технически усовершенствовать производство и неизбежно падет жертвой конкурентной борьбы.

С точки зрения реализации товаров, простое воспроизводство, которое в действительной жизни капиталистического общества мыслимо лишь как случайное явление, не сулит никаких затруднений. Часть товаров, соответствующая с, т.-е. сырье, машины и прочие средства производства, раскупается отдельными капиталистами; при чем они, конечно, должны бросить в обращение определенную сумму денег, которые по выполнении своей функции вновь возвращаются в карман «собирающего капиталиста» (des «Gesamtkapitalisten»), как выражается Маркс. Средства потребления рабочих также полностью находят сбыт, ибо ценность их в точности совпадает с общей суммой выплаченных за рассматриваемый период заработных плат. Так же просто обстоит дело с реализацией более утонченных средств потребления, предназначенных для класса капиталистов. Здесь, как и в первом случае, необходим всесторонний обмен между капиталистами, а это опять-таки касается «внутренних домашних обстоятельств класса предпринимателей» («Антикритика», стр. 12). Отдельные представители этого класса ассигнуют для своих покупок деньги, которые возвращаются туда же, откуда они ушли, т.-е. в кассу «собирающего капиталиста». Все части

нашей «товарной каши» оказываются проданными, и производство вновь может начаться в прежнем масштабе.

Не так гладко протекает процесс реализации в случае расширенного воспроизводства. Предположим, что технические предпосылки, необходимые для расширения производства независимо от его специфического исторического характера, налицо: имеются излишние по сравнению с истекшим периодом средства производства и рабочая сила. Что касается «желания» капиталистов накоплять, то об этом и говорить не приходится, ибо всякий предприниматель, как мы выяснили выше, в силу экономической необходимости *вынужден* ориентироваться на увеличение размеров своего предприятия. Все затраты переносятся и здесь исключительно в плоскость реализации выработанной за данный производственный период «товарной каши». Впрочем, возможность продать предметы, соответствующие c и v , не возбуждает у Р. Люксембург никаких сомнений: и то и другое будет реализовано точно так же, как в случае простого воспроизводства; часть m , предназначенная для потребления, тоже найдет себе покупателей, как это имело место в первом случае со всей прибавочной ценностью «собирающего» капиталиста. Но мы, в нашем воображаемом едином складе капиталистического общества, должны найти еще третью часть товаров, которая не предназначена ни для возобновления использованных средств производства, ни для содержания рабочих и капиталистов... «Это будет часть товаров, содержащая ту неоценимую долю выжатой из рабочих прибавочной ценности, которая, собственно, и составляет жизненную цель капитала: *прибыль, предназначенную для капитализации, или накопления*. Какого это рода товары и какая часть общества в них нуждается, т.-е. кто покупает их у капиталистов, чтобы в конце концов дать им возможность превратить важнейшую часть прибыли в чистое золото?» («Антикритика», стр. 14. Курсив мой. III. Д.).

Прежде чем перейти к попыткам разрешения Розой Люксембург этого кардинального вопроса всей ее теории, мы должны отметить, что она, в начале своего анализа проблемы реализации, пробует исходить из «чистого» капиталистического общества, т.-е. такого общества, которое состоит исключительно только из капиталистов и рабочих,

и в котором простые товаропроизводители вроде крестьян и ремесленников исчезли с лица земли на-ряду со всеми прочими промежуточными группировками. Всякому знакомому с экономическими работами Маркса хорошо известно, что он именно таким капиталистическим обществом оперировал в своих теоретических исследованиях: автор «Капитала» в своем абстрактном анализе всегда отвлекался от некапиталистических элементов, живущих в недрах буржуазного общества, и рассматривал весь мир, как единую капиталистическую нацию. Здесь же уместно будет подчеркнуть, что указанный методологический прием проходит красной нитью через все исследование Маркса и отнюдь не носит случайного характера. Более того, Маркс мимоходом многократно напоминает об этом своем приеме читателю. При анализе проблемы накопления в I томе «Капитала» он пишет: «Для того чтобы рассмотреть предмет нашего исследования в совершенно чистом виде, независимо от затемняющих дело побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство укренилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства» ¹⁾ То же самое «напоминание» он делает в других томах «Капитала» и в «Теориях прибавочной ценности» ²⁾.

Но вернемся к поставленному вопросу: кто является покупателем подлежащей накоплению части прибавочной ценности? Может быть, этими покупателями являются рабочие?—спрашивает Р. Люксембург. Но «класс капиталистов ассигнует рабочему классу лишь строго определенную часть всего общественного продукта, на сумму равную переменному капиталу. Следовательно, если рабочие покупают средства существования, то они возмещают классу капиталистов только полученную от него заработную плату—ассигнованную им сумму, равную переменному капиталу.

¹⁾ К. Маркс. „Капитал“, т. I, изд. 1920 г., стр. 589, примеч. 25.

²⁾ „По нашему предположению,—при всеобщем и исключительном господстве капиталистического производства,—кроме этого класса вообще не существует никаких других классов, кроме рабочих“. (II том „Капитала“, русск. изд. 1919 г. См. там же, с. р. 316, 405 и др.) „Представим себе, что все общество состоит из капиталистов и наемных рабочих“. (III том „Капитала“, русск. изд. 1919 г., ч. II, стр. 21). „Allein wie verhält es sich mit dem anderen Teil des Mehrwerts. der in konstantes Kapital zu verwandeln ist? Um die Frage zu vereinfachen. abstrahieren wir vom auswärtigen Handel und betrachten eine abgeschlossene Nation“. (Theorien über den Mehrwert, B. II, 2. T. 1910. S. 244). См. там же стр. 263 и др.

Вернуть больше они не могут ни на грош» («Накопление», стр. 83). А отсюда делается вывод, что рабочие никоим образом больше купить не могут. С такой же решительностью Р. Люксембург отвергает допущение, что искомыми покупателями являются сами капиталисты, которые могут использовать неподдающийся сбыту запас товаров для целей личного потребления. «Для всех капиталистов, как класса, потребление всей прибавочной ценности в виде роскоши является чистейшим, безумием, экономическим самоубийством, потому что это означает не что иное, как уничтожение накопления в корне». («Антикритика», стр. 15).

«Может быть, ответ... заключается в том, что естественный прирост населения создает этот возрастающий спрос?» Ведь в социалистическом обществе именно прирост населения и его потребности будут служить для трудящегося коллектива исходным пунктом для расширения производства. Однако в буржуазном обществе дело обстоит не так. Прежде всего, здесь даже нельзя говорить о приросте населения вообще. Мы имеем естественный прирост класса капиталистов, который размножается по одним законам, и прирост рабочих, который регулируется совершенно иными законами. Прирост класса капиталистов и без того предполагается возросшей абсолютно величиной потребленной части прибавочной ценности. Всей же прибавочной ценности он, конечно, потребить не может, ибо в таком случае не могло бы быть и речи о расширении производства. Естественный прирост рабочих, как выход из затруднения, Р. Люксембург также отвергает. «В нашей схеме единственным источником денежных средств рабочего класса является переменный капитал. Следовательно, понятие «переменный капитал» наперед предполагает прирост рабочего класса. Стало быть, одно из двух: или заработная плата рассчитана так, чтобы она могла прокормить и молодое поколение рабочих,—тогда последнее не может быть вторично принято как основа для расширенного потребления; или же это не имеет места,—тогда новые рабочие, молодое поколение, сами должны работать, чтобы получать заработную плату и средства существования,—тогда это молодое работающее поколение уже включено в число занятых рабочих. Следовательно,

естественный прирост населения не может нам объяснить процесса накопления». («Накопление», стр. 84).

В своих крайне добросовестных поисках выхода из тупика автор «Накопления капитала» обращается к тем слоям, которые, строго говоря, не могут быть отнесены ни к капиталистам, ни к рабочим и которые, тем не менее, существуют даже в «чистом» капиталистическом обществе. Сюда относятся ученые и попы, адвокаты и проститутки, военные и чиновники, врачи и художники и т. д. Но если присмотреться ближе, то оказывается, что источником доходов представителей всех этих профессий, как бы почетны или гнусны они ни были, является либо заработная плата, либо общественная прибавочная ценность. Эти доходы могут черпаться или непосредственно из *v* и из *m* (плата попу за требы, гонорар врачу) или через посредство налоговой системы. В обоих случаях представители наших свободных профессий, с экономической точки зрения, будут лишь сотрапезниками совокупной заработной платы или совокупной прибавочной ценности¹⁾. Никаких самостоятельных притязаний на нашу засиженную невесту они предъявить не смогут. Их потребление уже включено в потребление капиталистов и рабочих.

Но не уподобляемся ли мы, спрашивает Р. Люксембург, тому всаднику, который без всякой надежды на успех упорно разыскивал коня, на котором он сидел? Не покупают ли капиталисты друг у друга пресловутый «излишек» товаров, и при том не для того, чтобы улучшить свое потребление, а для того, чтобы расширять производство? «Пусть это будет так,—читаем мы в «Антикритике» (стр. 16),—но подобное решение переносит лишь

¹⁾ Резюмируя свои возражения А. Смитю по поводу о ценностном составе товара, Маркс, между прочим, пишет: „Все члены общества, не принимающие прямого участия в воспроизводстве, будет ли то участие трудом или участие без труда, могут иметь свою долю годового товарного продукта,—т. е. средства своего потребления,—в первую очередь лишь из рук тех классов, которым в первую очередь достается продукт: из рук производительных рабочих, промышленных капиталистов и землевладельцев. В этом смысле их доходы материально происходят от заработной платы (производительных рабочих), прибыли и земельной ренты и потому являются производными по отношению к этим первичным доходам. С другой стороны эти производные в таком смысле доходы приобретаются их получателями посредством их общественной функции как королей, попов, профессоров, проституток, солдат и т. д.; это дает им возможность видеть в своих функциях первичные источники их доходов“. („Капитал“ т. II, стр. 357).

затруднение с данного момента на следующий. В самом деле, допустив, что накопление началось и что расширенное производство в следующем году выбрасывает на рынок еще большую массу товаров, чем в этом году, мы снова наталкиваемся на вопрос: где же мы *тогда* найдем покупателей для еще более возросшего количества товаров?»... «Чистое капиталистическое общество, которым оперировал Маркс, приводит нас таким образом в тупик, из которого нет выхода; пока мы остаемся в предположении, что общество состоит лишь из буржуазии и пролетариата, капиталисты, как класс, не в состоянии сбыть всей своей прибавочной ценности, они не в состоянии превратить ее в деньги, а следовательно, и накапливать. Проблема реализации прибавочной ценности, предназначенной для накопления, превращается в «чисто»-капиталистическом обществе в совершенно неразрешимую загадку»¹⁾.

Изложенные нами в сжатых чертах рассуждения Р. Люксембург приводят ее к убеждению, что Маркс совершил методологическую ошибку, когда он, взявшись за проблему накопления, пытался разрешить ее для капиталистического общества, состоящего исключительно только из капиталистов и рабочих. Мы привыкли думать, что абстрактный метод в политической экономии представляет неопределимые услуги во всяком теоретическом анализе. Преимущества его, как известно, заключаются в том, что мы отвлекаемся от всех побочных, несвойственных исследуемому объекту признаков и моментов и берем этот объект в его логически «чистой» форме. Конечно, при рассмотрении явлений реальной действительности мы должны, исходя из выводов нашего абстрактно-теоретического анализа, корректировать их теми «возмущающими» моментами, которые привносятся конкретной обстановкой. По мнению же Р. Люксембург, этот метод уместен и необходим лишь для определенных целей исследования. Он хорош, например, в первом томе «Капитала» при анализе отдельного капитала, но там, где речь идет о накоплении всего общественного капитала, он «дает осечку».

¹⁾ Это положение на разнице лады многократно формулируется Р. Люксембург, см., напр., «Накопление капитала», стр. 85, 244, 252, также «Анти-Крилизис», стр. 17, 18 и т. д.

Не в рамках чистого капитализма мы должны искать рынок сбыта для пресловутой доли прибавочной ценности,— говорит Роза Люксембург. «Если мы хотим, чтобы накопление имело место, то необходимо, чтобы для той части товаров, в которых заключается предназначенная для накопления прибыль, нашлись совсем другие покупатели,— покупатели, которые черпают свои покупательные средства из самостоятельного источника, а не из кармана капиталистов, как рабочие или сотрудники капитала—государственные органы, войско, духовенство, либеральные профессии. Стало быть, это должны быть покупатели, которые получают покупательные средства на основе товарного обмена, следовательно, от производства товаров, имеющего место за пределами капиталистического товарного производства; это должны быть производители, средства производства которых нельзя рассматривать, как капитал, и которые сами не принадлежат ни к одной из двух категорий,—категорий капиталистов и рабочих,—но, тем не менее, так или иначе нуждаются в капиталистических товарах». («Антикритика», стр. 17).

На этом базисе Р. Люксембург строит свою теорию империализма, совершенно отличную от теории Гильфердинга, которая, как известно, в общем и целом была принята русской коммунистической литературой. Без некапиталистической среды капитализм развиваться не может: ему, как рыбе вода, необходимо «некапиталистическое окружение». Но в своем стремлении вступить в обмен с этим окружением буржуазный мир наталкивается на серьезные препятствия. Ему нужны не просто докапиталистические формации—они должны обязательно стоять на уровне товарного хозяйства. Если этого нет, если капитализм натывается на натурально-хозяйственные общественные образования или на ограниченность потребностей патриархально-крестьянского быта, он берется за оружие и путем насилия создает себе предпосылки для расширенного воспроизводства. Насилие и грабеж сопровождают капитализм с самого появления его на свет. Они начинаются с революционного преодоления феодально-крепостнических отношений и находят себе высшее выражение в порабощении так называемых колониальных стран, которые являются историческим навозом и питательной почвой для буржуаз-

ного общества. Жители отсталых стран, аборигены Азии и Африки, насильственным путем превращаются в покупателей капиталистических товаров, и капитализм находит тех самых надежных покупателей прибавочного продукта, которых он совершенно безуспешно стал бы искать в рамках «чистого» буржуазного общества. «Капитализм все более и более расширяется благодаря взаимодействию с некапиталистическими общественными кругами и странами: он накапливает за их счет, но в то же время на каждом шагу разъедает и вытесняет их, чтобы самому стать на их место. Но чем больше капиталистические страны участвуют в этой погоне за областями накопления и чем меньше становятся те некапиталистические районы, которые открыты еще для мировой экспансии капитала, тем ожесточеннее становится конкурентная борьба капитала вокруг указанных областей накопления, тем в большей мере его экспансии по мировой арене превращаются в цепь экономических и политических катастроф — в мировые кризисы, революции и войны» («Антикритика», стр. 16—20).

В процессе своего развития капитал неизбежно перестраивает весь мир по своему образу и подобию. Там, где некогда паслись стада «диких» номадов, капитализм воздвигает фабричные трубы. Там, где протекала жизнь охотничьих племен, он прокладывает железные дороги, которые с течением времени оставляют от идиллического быта всякого рода «доисторических» или «ненсторических» народностей одни лишь воспоминания. Капиталистическое общество, таким образом, с бешеной быстротой приближается к предельной точке своего развития, — к тому моменту, когда на земле будут одни только буржуа и пролетарии и когда от поддерживающего его фундамента не останется и следа. Гибель буржуазного общества, с этой точки зрения, подготавливается чисто автоматически, независимо от каких бы то ни было социально-классовых моментов. Справедливость требует, однако, чтобы мы сделали здесь оговорку. Некоторые критики упрекали Р. Люксембург в том, что ее теория фаталистична и, как таковая, создает в известном смысле научное оправдание для отказа от активной борьбы за социализм. Это — неверно. В качестве пламенного революционера, не останавливае-

шлось ни перед какими препятствиями, Роза Люксембург ни своими сочинениями, ни своими делами не подавала и не могла подавать повода к подобного рода толкованиям. Она многократно подчеркивает, что развитая только что тенденция настолько резко обостряет классовые противоречия и международную политико-экономическую анархию, что восстание пролетариата уничтожит безраздельное господство капитализма задолго до того момента, когда он достигнет своего, так сказать, естественного предела. Но служит ли эта последняя оговорка доказательством правильности теории накопления Розы Люксембург?

Прежде всего несколько слов о пределах абстрагирования. Допустимо-ли отвлечение от *differentia specifica* исследуемой экономической формации? Или конкретно: можно ли при изучении капиталистического общества в целях упрощения анализа отвлекаться от денег? Сэй, как известно, проделал такого рода «опыт». Обсуждая вопрос о возможности общего перепроизводства, он «упустил» из виду деньги и стал на ту точку зрения, что за продукты платят продуктами. А отсюда ему уже нетрудно было сделать свой знаменитый вывод о невозможности общего перепроизводства. На самом деле, рассуждал он, если продукты обмениваются на продукты, то заминка в сбыте может быть объяснена исключительно только тем, что они произведены в ненадлежащей пропорции друг к другу: если товары А залеживаются слишком долго, то это вовсе не означает, что их произведено слишком много; это значит только, что других товаров произведено слишком мало. Расширите их производство, и все пойдет к лучшему в этом лучшем из миров. Так в буржуазной политической экономии было в свое время обосновано учение о гармонии, господствующей в капиталистическом строе,—и все это было достигнуто сознательными апологетами путем чрезмерного усердия по части абстрагирования ¹⁾.

¹⁾ Два пункта характерны в данном случае для истока экономической апологетики. Во-первых, отождествление обращения товаров и непосредственного обмена продуктов путем простого отвлечения от их различия. Во-вторых, попытка отрицать противоречия, присущие капиталистическому про-

Но при чем тут Р. Люксембург?—спросит удивленный читатель? Ведь она не оправдывала приемов обергармонистов. Более того, нам скажут, что Р. Люксембург не менее резко, чем Маркс, возражала против чудовищных выводов Сэя, доказывая на примере Туган-Барановского, что пользование анализом II тома может привести к не менее однозначным выводам, чем построения апологетической вульгарной политической экономии. Критически настроенный читатель напомним нам сразу, что Р. Люксембург всюду, где только можно было, вводила в свой анализ деньги.—и все это, несомненно, будет соответствовать действительности. Но беда-то в том, что Роза Люксембург во всех своих рассуждениях имеет в виду ту сторону денег, от которой абстрагируются Сэй, и только ее. Она все время помнила, что деньги являются средствами обращения, чего, повторяю, не хотели знать вульгарные экономисты, но она упорно забывала, что деньги, кроме того, являются *платежным средством*. В этом, как я попытаюсь доказать в дальнейшем изложении, заключается главная причина, которая привела автора «Накопления капитала», и «Антикритики» к тому убеждению, что реализация прибавочного продукта в рамках чистого капитализма представляет собой неразрешимую задачу.

цессу произведена; последнее достигается тем, что все отношения между капиталистическими производителями сводятся к тем простым отношениям, которые непосредственно вытекают из товарного обращения. Между тем производство товаров и обращение товаров представляют явления, свойственные самым разнообразным способам производства, хотя и в различном масштабе. Мы, следовательно, ровно ничего не знаем о данных способах производства, об их различиях *субъективных*, мы не можем составить себе о них никакого понятия, раз мы не знаем только общие им всем абстрактные категории товарного обращения». (Капитал, т. I, стр. 84—85). См. также „Zur Kritik etc“ стр. 86—87 и ж. изд. 1907 г. и „Theorien über den Mehrwert“, т. II, ч. II, стр. 276, 278 и ж. др. изд. 1910 г. Впрочем, Маркс не первый понял ошибочность „упрощения“, произведенного Сосм и К^о: он сам ссылается на Туган: „Money can always buy other commodities, whereas other commodities can not always buy money“ (Тооке. „An Inquiry into the Currency Principle“, 2 ed. London 1811, p. 10). „Der einzige Umstand, der Überproduktion in allen (Produktionszweigen. III. II.) gleichzeitig verhindern könnte, ist der Angabe nach, dass Ware gegen Ware sich austauscht, das heisst Zuflucht zu den vorausgesetzten Bedingungen des Tauschhandels. Aber diese Ausflucht ist gerade dadurch abgeschnitten, dass der Warenhandel nicht Tauschhandel ist, und daher der Verkäufer einer Ware nicht notwendig zu der selben Zeit der Käufer einer andern ist. Diese ganze Ausflucht beruht sich also darauf, von dem Geld zu abstrahieren, und davon zu abstrahieren, dass es sich nicht vom Produktentausch handelt, sondern von der Warenzirkulation, für die das Aussehen der Waren von Kauf und Verkauf wesentlich“. („Theorien über den Mehrwert“, B. II, 2. T., S. 316).

Когда мы говорим о деньгах, как средстве обращения, мы имеем в виду товаровладельцев, вступающих в соприкосновение между собой лишь как представители имеющих уже налицо эквивалентов. В этом случае перемещение обоих полюсов формулы $T \dots D$ происходит одновременно, или, короче, продавец при отчуждении товара немедленно получает эквивалентную сумму денег. «Но с развитием товарного обращения развиваются условия, при которых отчуждение товаров отделяется во времени от реализации их цены». («Капитал», т. II, стр. 107). Товар продается сегодня, а платеж наступает лишь через некоторое время—через неделю, месяц или год. Передвижение товара (и в смысле пространственном, и в смысле перемены собственника) происходит раньше, чем его ценность замещена деньгами, которые, вследствие разделения во времени продажи и платежа, приобретают функцию платежного средства. В этой своей функции деньги создают предпосылку для бесчисленного множества долговых обязательств. А может продать свой товар В и, не дожидаясь срока платежа, купить в кредит товар у третьего лица В, в надежде, что А ликвидирует свое обязательство своевременно. Но, это лишь схематическое представление того, что происходит в действительности. На деле все эти явления представляют неизмеримо более сложную картину. Кредитные связи опутывают сотнями тысяч тончайших, невидимых нитей все капиталистическое общество, и грандиозное кредитное здание с его векселями и банковыми билетами, с его акциями и облигациями, с его банками и биржами, превращается в могущественнейший рычаг развития буржуазного общества ¹⁾.

Хорошо, скажет читатель, пусть это так: Роза Люксембург действительно абстрагируется от функций денег, как платежного средства, и стало быть, и от кредита. Но,

¹⁾ Какое огромное значение Маркс придавал в теории накопления кредиту, видно, например, из следующих слов: „Вместе с капиталистическим производством развивается совершенно новая сила — кредит: вначале он потаенно прокрадывается, как скромный пособник накопления, посредством теневых нитей стягивает в руки индивидуальных или ассоциированных капиталистов денежные средства, большими или меньшими массами рассеянные по поверхности общества; но вскоре он становится новым и страшным орудием в конкурентной борьбе и в конце концов превращается в колоссальный социальный механизм для централизации капиталов.“ (Капитал, т. I, стр. 612.)

может быть, кредит лишь сопутствующий, второстепенный атрибут капиталистического способа производства, а вовсе не «имманентное» ему явление? Если верно первое, то мы в нашем абстрактном анализе развития экономики буржуазного мира можем не включать его в наше поле зрения и оперировать, так сказать, с «безкредитным» капитализмом, как это делается в изложенных нами рассуждениях Розы Люксембург. Если верно второе, то игнорирование денег, как платежного средства, такой же методологический грех, как и превращение капиталистического общества в общество натурального товарообмена.

Обратимся к рассмотрению этого вопроса. Предположим, что мы имеем дело с капиталистическим предприятием, которое поддерживает свое производство на одном и том же уровне (случай простого воспроизводства). Предположим далее, что время оборота этого капитала составляет 9 недель, период производства, совпадающий с рабочим периодом, — 6 недель и время обращения — 3 недели ¹⁾. Если капиталист должен затрачивать еженедельно на сырье, вспомогательные материалы (мы оставляем пока в стороне элементы основного капитала) и рабочую силу, скажем, по 1000 рублей, то ему для обеспечения непрерывности производства в течение первых шести недель, когда товар может быть выброшен на рынок, потребуется 6000 рублей. Производительный капитал, превращенный в товарный, переходит в сферу обращения, где его обратное превращение в денежный капитал произойдет лишь через три недели. На все это время он для процесса производства не существует. Отсюда следует, что наш капиталист для обеспечения непрерывности производства хотя бы в прежнем масштабе нуждается в добавочных 3000 рублей. Нетрудно видеть, что этот доплатительный капитал относится ко всему капиталу предпринимателя, как время обращения к времени оборота. В нашем случае это отношение составит 1 : 3. Но через три недели продукт первого рабочего периода будет продан, и капиталист будет иметь на руках 6000 рублей наличными деньгами. Между тем до конца второго рабочего периода потребуется всего

¹⁾ Я пользуюсь здесь, само собой разумеется, терминологией Маркса, см. гл. XII-XV во II томе «Капитала».

только 3000 рублей, ибо в течение первой половины этого периода непрерывность производства была обеспечена дополнительным капиталом. Отсюда следует, что мы в капиталистической действительности имеем дело с высвобождением денежного капитала, как с постоянно повторяющимся процессом ¹⁾. Но это только один источник постоянного образования «сокровища». Основная часть постоянного капитала, как известно, переносит свою ценность на изготовляемый товар лишь постепенно, нередко в течение нескольких десятилетий. Если ценность основного капитала составляет, скажем, 120.000 рублей, а продолжительность его «физического» существования 10 лет, то к капиталисту ежемесячно возвращается 1000 рублей, соответствующих обесценению его основного капитала. Но это вовсе не значит, что он фактически, материально должен быть восстанавливаем ежегодно в размере одной десятой. «Машина в течение второго года, быть может, лучше будет работать, чем в первом. И тем не менее она через 10 лет (у Маркса другое число) окажется непригодной. Дело происходит таким же образом, как со скотиной, которая живет в среднем 10 лет, но которая тем не менее не стмирает ежегодно на одну десятую, хотя она по истечении 10 лет и должна быть заменена новым экземпляром». (Marx, «Theorien über den Mehrwert». В II, Т II. 1910, стр. 246—247). Таким образом, нашему капиталисту придется удерживать в денежной форме те суммы, которые притекают к нему в качестве возмещения основного капитала на протяжении десяти лет. И только по истечении этого периода он превратит их в вещественную форму основного капитала, — в машины, строения и проч. Таков второй источник постоянно высвобождающихся денег: «Способ возвращения основного капитала ведет к образованию сокровища, но вместе с тем и к периодической бездеятельности денежного капитала» ²⁾.

Разобранные нами явления отнюдь не случайны; они вытекают, как мы видели, из самой сущности капиталистического способа производства и, в этом смысле, обра-

¹⁾ См. следующие примеры у Маркса — „Капитал“, т. II, стр. 239, и след.

²⁾ Гильфердинг, „Финансовый капитал“, II. 1918, стр. 91.

зуют *de differentia specifica*, о которых говорит Маркс. «Образование сокровища—пишет Гиллфердинг—может происходить уже при простом товарном обращении. Для этого необходимо, чтобы в процессе $T \rightarrow D \rightarrow T$ не совершалась вторая часть, именно $D \rightarrow T$, т. е. необходимо, чтобы продавец товара не выступал в качестве покупателя, а приберег бы деньги. Но при простом товарном обращении такое поведение является совершенно случайным и исключительным. Напротив, в обращении капитала образование сокровища становится необходимостью, вытекающей из самой природы процесса» (там же стр. 91, 92). Но бездеятельный денежный капитал не выполняет своей жизненной функции— он не приносит прибыли. А капиталист, который держит в своем сундуке неизбежно образующееся в процессе кругооборота денежное сокровище, представляет собой персонифицированное отрицание капиталистического предпринимателя; он не в меньшей мере «безумец» и «самоубийца», чем тот капиталист, который вздумал бы систематически прокучивать всю прибавочную ценность. Своеобразное противоречие между образованием сокровища и основным для капитализма мотивом—получением прибыли—разрешается кредитом, возможность которого дана функцией денег, как платёжного средства.

* * *

Именно абстрагирование от кредита привело Розу Люксембург к тому выводу, что реализация прибавочной ценности представляет собой в условиях чистого капитализма неразрешимую задачу. На самом деле, если капиталисты, потребляющие, скажем, половину своей прибавочной ценности, могут ассигновать для этой цели 1.000.000 рублей в неделю, а рабочие—общую сумму заработных плат, полученных ими за ту же неделю,—допустим тоже 1.000.000 рублей, то они вместе будут в состоянии покупать в неделю на 2.000.000 рублей. Эта сумма определит собою поглотительную способность рынка и сегодня, и через месяц, и через год. Для остального же миллиона рублей не поддающихся сбыту товаров придется обязательно искать внекапиталистической среды. Это будет иметь место, если мы своим чрезмерным усердием

по части абстрагирования вынем из капитализма всю его «душу». Но такое теоретическое «упрощение» методологически недопустимо. В действительности (хотя бы только в мыслимой чисто капиталистической «действительности») дело представляется несколько иначе. Ни одна фабрика, ведущая производство в крупном масштабе, не продает своих товаров непосредственным потребителям: последние пространственно в большей или меньшей степени отделены от места производства. Фабрика продает свои товары оптовику, последний — розничному торговцу. Это самый простой случай; на деле, цепь, которая тянется от производителя до потребителя, гораздо длиннее. Звенья этой цепи, нередко вплоть до самого последнего ¹⁾, связаны между собой кредитными отношениями. Кредит же дает оптовому торговцу и розничному продавцу возможность покупать большее количество товаров, чем это необходимо ему для удовлетворения спроса в течение дня или недели. Впрочем, ни тот ни другой даже не знает истинных размеров платежеспособного спроса, вообще, и суммы тех покупок, которые будут произведены у него, в частности. Этим самым дана возможность поглощения сферой обращения большей массы товаров, чем это требуется в данный момент наличным платежеспособным спросом конечных потребителей. А отсюда следует, что «процесс воспроизводства *от известных границ* может совершаться в прежнем или даже расширенном масштабе, хотя выброшенные из него товары в действительности не перешли в сферу личного или производительного потребления». («Капитал», Т. II, стр. 50, курсивы мои. III. Д.). Сторонник теории Розы Люксембург не станет, конечно, отрицать

¹⁾ В своей первой статье, посвященной теории Р. Люксембург («Красн. Новь», за 1921 г., № 1) я попытался опровергнуть ее основной тезис, основанный на кредите рабочим. Мне указывали на абстрактность и нерéalность моего допущения. И новое не склонен утверждать, что именно в кредите рабочим кроется истинное спасение неспособного к накоплению «чистого» капитализма: мне мне нужно было показать только возможность накопления без наличности какой бы то ни было некапиталистической среды. Тем не менее я решительно утверждаю, что кредит рабочим вовсе не есть теоретическая фикция. Покупки и рассрочку предметов домашнего обихода (одежды, часов, велосипедов и т. д.) и получили колоссальное распространение во всех капиталистических странах. По сведениям E. Schwieblanda (посвященных в) берлинского издания, главным образом рабочие и интеллигенция удовлетворяют свои потребности путем покупок и рассрочку). Volkswirtschaftslehre, 2. Aufl. Wien. u. Berlin, 1920, S. 420.

такой возможности. Его возражение сведется к тому, что товары, не вошедшие в «сферу потребления», так в нее и не войдут; они останутся в сфере обращения, и их никак нельзя будет продать, по той простой причине, что платежеспособный спрос есть наперед данная величина, определяемая известной частью прибыли класса капиталистов и суммой заработных плат, получаемых рабочим классом. Но это возражение будет неверно, ибо самым фактом расширения производства за пределы его вчерашнего базиса дано уже расширение платежеспособного спроса. На самом деле. Что означает расширение производства? Оно означает, во-первых, покупку добавочного количества сырья (обычно даже установку новых машин) и, во-вторых, увеличение количества рабочих или, по крайней мере, введение сверхурочной работы. А если это так, то совокупная недельная заработная плата получает некоторое приращение, она превращается из V в $V + \Delta V$, или из 1.000.000 р. в 1.100.000, а эти добавочные 100,000 «вовлекают» в «сферу потребления» часть тех товаров, которые Р. Люксембург обрекла бы на вечное пребывание в сфере обращения или даже в ее воображаемой товарной куче. Но на-ряду с увеличением платежеспособного спроса рабочих мы имеем и расширение спроса на добавочные средства производства. Надо, однако, заметить, что оба эти процесса происходят вовсе не одновременно во всех отраслях капиталистического хозяйства: в каком-нибудь одном пункте дается толчок, и этого достаточно, чтобы волна расширения рынка распространилась по всей поверхности капиталистического моря.

В нашем примере мы приняли увеличение численности занятых рабочих равным 10%; таков же, при сохранении органического состава, равного отношению 4:1, будет и процент приращения постоянного капитала, который абсолютно в 4 раза больше добавочного переменного капитала. Весь функционирующий капитал общества после расширения производства возрастет с 5.000.000 рублей до 5.500.000. Но для столь значительного расширения, происшедшего, скажем, в год или в два, повторю, нужен был сравнительно незначительный импульс. Предположим, что полотняная фабрика присоединяет к своему капиталу 5.000 рублей, из коих 1.000 руб. идет на заработную плату и 4.000—

на средства производства: на пряжу, на добавочные ткацкие станки, на уголь и т. д. Прядильщики, которые поставляют ткацкой фабрике пряжу, со своей стороны предъявляют спрос на добавочное сырье, прядильные станки и т. д., и каждый из тех предпринимателей, к которым наш прядильщик предъявляет добавочный спрос, в свою очередь, предъявляют спрос на те дополнительные элементы постоянного капитала, без которых расширение их производств технически невозможно¹). Правда, добавочный спрос, исходящий от каждого последующего звена этой своеобразной цепи, будет меньше своего ближайшего виновника: мы будем иметь дело, так сказать, с затухающими или зампрающими волнами спроса, но в общей сложности они дадут гораздо большую величину.

Теоретически общее расширение спроса, вызванного небольшим импульсом, поддается даже математическому учету. Каков будет общий эффект, вызванный теми 4.000 рублей, которые определяют размер спроса фабриканта полонна на средства производства. Если мы предположим, что средняя норма прибыли такова, что она составляет 10% цены товара, то ближайшим контр-агентом нашего фабриканта (прядильщику, машиностроителю и прочим) придется купить средств производства и выплатить заработной платы на сумму, равную $9/10 \cdot 4000 = 3600$ рублей, которые в свою очередь потребуют от другой группы капиталистов покупки добавочных товаров (средств производства и рабочей силы) на $9/10 \cdot 3600 = 3240$ руб. и т. д. Предполагая, что полученный ряд чисел можно продолжить неограниченно, мы будем иметь перед собой сумму членов бесконечно убывающей геометрической прогрессии: $4000 + 4000 \cdot 9/10 + 4000 \cdot (9/10)^2 + 4000 (9/10)^3 + \dots \text{ad infinitum}$. Сумма этого ряда, определяемая, как известно, частным от деления его первого члена на 1 минус знаменатель прогрессии, составит 40000²). Нетрудно видеть, что она будет тем больше, чем ниже средняя норма прибыли, т.-е. чем выше органический состав капитала и развитие капитализма в целом.

Но нам могут поставить тот же самый вопрос, который ставит себе Маркс в «Теориях прибавочной ценности»:

¹) См. *Маркс. Theorien über den Mehrwert*, В. II. Т. II. S. 244—245.

²) См. *Богданов и Степанов. „Курс политической экономии“*, т. II, вып. 4, стр. 104—105, а также ст. *А. Богданова* в журнале „История“, за 1916 г.

«Он (фабрикант полотна) должен превратить свои 4000 фунтов стерлингов в пряжу, ткацкие станки и т. д., т.-е. купить эти продукты. Но, чтобы купить их, они должны быть палицо. Так как мы предположим, что воспроизводство старого капитала имело место при старых условиях, то прядильщик израсходовал весь свой капитал, чтобы поставить то количество пряжи, которое год тому назад требовалось ткачами. Следовательно, как же он сможет удовлетворить увеличенный спрос увеличенным предложением? Точно так же обстоит дело с строителем машин, поставляющим ткацкие станки и т. д»¹⁾). На первый взгляд кажется, что ткач должен будет ждать, пока прядильщик, машиностроитель и пр. не увеличат своего производства. Но эти последние тоже не будут в состоянии этого сделать, пока *и* поставщики, со своей стороны, не расширят своих предприятий, и так без конца. На самом деле это, конечно, не так. Мы уже показали, что осажение ценности основного капитала происходит постепенно на протяжении довольно продолжительного периода, тогда как обратная его затрата—в случае простого воспроизводства—имеет место одновременно по истечении этого периода. Из кругооборота капитала высвобождается бездеятельный денежный капитал, который можно затрачивать на покушку добавочных средств производства и на наем добавочных рабочих. Следовательно, «там, где применяется много постоянного, а стало быть, и много основного капитала, та часть ценности продукта, которая возмещает снашивание основного капитала, обуславливает существование *фонда накопления*..., который может быть использован для вложения в новый основной (или также оборотный) капитал, без того, чтобы для этой части накопления имел место какой-нибудь вычет из прибавочной ценности» («Theorien», т. II, ч. II, стр. 247, курсив принадлежит Марксу). Вовсе не обязательно, однако, чтобы наш «фонд накопления» был использован именно для того предприятия, в котором он образовался: «*Кредит*, на котором мы здесь подробнее не останавливаемся, делает возможным то, что накопленный капитал вкладывается не в ту сферу, в которой он создан,

¹⁾ *Marx*. „Theorien über den Mehrwert“, В. II, Т. 2. S. 245. Эта взумительная книга *до сих пор* не переведена на русский язык.

но там, где применение его имеет наибольшие шансы. Однако каждый капиталист предпочтет вложить свое накопление в свое собственное предприятие. Если он вкладывает его в другое предприятие, то он становится денежным капиталистом и получает вместо прибыли процент» (там же, стр. 249—250, курс. Маркса).

Мы, таким образом, видим, что от безнадежной попытки распродать без остатка в конце года всю товарную «кучу», сложенную на гигантском общественном складе, до хода реализации, протекающей в действительной жизни, — дистанция огромного размера: *в первом случае мы имеем неподвижный, во втором — возрастающий спрос*. Более того, наши рассуждения показывают, что даже в условиях «чистого» капитализма возможно одновременное расширение и платежеспособного спроса, и производства. По мнению Розы Люксембург, признание такого тезиса неизбежно приводит к построениям Сэя и его отдаленного потомка Туган-Барановского. По мнению Гальгеймера, это и есть то «лишнее», что было доказано русскими марксистами в их споре с народниками. Но, говоря о возможности одновременного расширения производства и рынка, мы тем самым отнюдь не утверждаем, что второй идет в ногу с первым. Сам Маркс, который как-никак стоял на точке зрения возможности накопления в условиях чистого капитализма, самым решительным образом возражал против подобного рода утверждений. Он подчеркивал, что рост платежеспособного спроса, в силу антагонистического характера распределения, имеет тенденцию отставать от производства и что эта тенденция в определенные моменты прорывается наружу с колоссальной силой¹⁾. «Если этот процесс (кругооборота капитальной ценности) расширяется, — что предполагает расширение производительного потребления средств производства, — то такое воспроизводство капитала может сопровождаться расширенным личным потреблением (и, следовательно, спросом) на стороне рабочих, потому что под-

1) «Daher nichts Eicherlicher als von Identität von Produzenten und Konsumenten zu sprechen» («Theorien», B. II, T. I, S. 296). «Also nichts abgeschmacktér... als die Behauptung, dass Konsumenten (Käufer) und Produzenten (Verkäufer) in der kapitalistischen Produktion identisch sind» (ibid., S. 297). «Der Markt erweitert sich langsamer als die Produktion... Hätte die Erweiterung des Marktes Schritt gehalten mit der Erweiterung der Produktion, so gäbe es keine Überfüllung des Marktes, keine Überproduktion» (ibid., S. 304—305).

готовкой и посредствующим звеном к этому процессу служит производительное потребление. Так может возрасть производство прибавочной ценности, а вместе с ним и личное потребление капиталистов; весь процесс воспроизводства может находиться в самом цветущем положении, — и, однако, большая часть товаров может переходить в сферу потребления лишь по видимости, в действительности же она остается нераспроданной в руках перекупщиков, следовательно, фактически все еще пребывает на рынке. Но поток товаров следует за потоком, и, наконец, обнаруживается, что прежний поток лишь по видимости поглощен потреблением. Товарные капиталы взаимно оспаривают друг у друга место на рынке. Явившиеся позже продают по пониженной цене — только бы продать. Прежние потоки еще не сбыты, как наступают сроки уплаты за них. Владельцы их должны объявить себя несостоятельными или же, чтобы произвести платежи, продавать по какой-нибудь цене. Такая продажа не имеет никакого отношения к действительному состоянию спроса. Она определяется лишь *спросом на платежи* (курсив Маркса), абсолютной необходимостью превратить товар в деньги. *Потом разразится кризис*. Он проявляется не в непосредственном уменьшении потребительского спроса — спроса со стороны личного потребления, но в сокращении обмена капитала на капитал, в сужении процесса воспроизводства капитала»¹⁾.

* * *

Р. Люксембург утверждает, что признание возможности одновременного расширения капиталистического производства и «чисто» капиталистического (или «внутреннего», по ее терминологии)²⁾ рынка либо делает совершенно необъяснимыми кризисы, либо сводит причины последних исключительно только к диспропорциональности между

¹⁾ Маркс. Капитал, ч. II, стр. 51. Курсивы, за исключением оговоренного, мои. III. L. V. Theorien über den Mehrwert, т. II, ч. II, стр. 394. Маркс пишет: «In dem Wesen der kapitalistischen Produktion liegt also Produktion ohne Rücksicht auf die Schranken des Marktes».

²⁾ Р. Люксембург понимает внешний рынок чисто экономически; она не связывает его с географическими границами. Капиталистическая промышленность Англии будет внутренним рынком для капиталистической промышленности Германии, но русское крестьянское хозяйство будет внешним рынком для русской капиталистической промышленности.

отдельными отраслями хозяйства. Мы сказали, что автор «Накопления капитала» был бы прав в своих выводах, если бы все марксисты стояли на точке зрения Туган-Барановского. На самом деле этого, конечно, нет. Даже Вл. Ильин, которого Р. Люксембург обвиняла и грехах Тугана, безоговорочно признавал «противоречие между безграничным стремлением расширить производство и ограниченным потреблением»¹⁾. И если теория рынка, принимаемая большинством марксистов, составляет базис для объяснения кризисов, то теория Люксембург закрывает все пути к решению вопроса о колебаниях конъюнктуры.

Как Маркс ставит вопрос о периодичности промышленных циклов? Здесь, конечно, не место останавливаться на теории конъюктур, и мы хотели бы подчеркнуть только самое основное. А это основное заключается в том, что Маркс выводил периодичность кризисов из «чистого» капитализма, отвлекаясь от всяких, так сказать, возмущающих влияний внекапиталистической среды. Основной капитал промышленности изнашивается постепенно, но восстанавливается сразу. Вследствие этого, возмещение и расширение основного капитала страны является исходным моментом для повышательной тенденции конъюнктуры. Спрос на вещественные элементы основного капитала, благодаря обрисованной нами выше цепной связи между всеми отраслями хозяйства, вызывает лавинообразное расширение производства, и легкое оживление по истечении известного времени превращается во всеобщий ажиотаж, который продолжается до тех пор, пока не обнаружится достигнутое фактически уже несколько раньше несоответствие между расширившимся предложением и недостаточно возросшим спросом. Эта точка зрения Маркса оспаривалась некоторыми авторами. Указывалось главным образом на то, что возобновление основного капитала происходит вовсе не одновременно, не то что во всем хозяйстве страны, но даже в отдельных отраслях и предприятиях. Маркс не упустил возможности такого рода возражения и совершенно справедливо указал, что кризис во всяком случае является исходным моментом для новых инвестиций. В период депрессии цены крайне низки,

¹⁾ Вл. Ильин. «Развитие капитализма в России». СПб. 1908, стр. 21.

промышленность работает с очень незначительной прибылью, а такие условия навязывают капиталистам улучшение технического оборудования, ибо только сокращение издержек производства позволяет им при низких ценах реализовать достаточную прибыль. В высшей степени характерно, что успехи техники, или, точнее, их применение в промышленности следуют *после* кризиса, а не наоборот. В исторической части своей известной книги Тугай-Барановский приводит мнения «людей практики», фабрикантов и фабричных инспекторов, что все изобретения делаются или, во всяком случае, входят во всеобщее употребление, в годы застоя, когда прибыль низка и сбыт товаров затруднителен. Годы оживления, которые характеризуются высокими ценами и высокой прибылью, отличаются замедлением технического прогресса, ибо у предпринимателя при этих условиях ослабляется или даже совершенно пропадает стимул для улучшения оборудования (фактор, перманентно задерживавший всякий технический прогресс в нашей уральской промышленности первой половины XIX столетия). А если это так, то достаточно одного начального кризиса для того, чтобы дальнейшая жизнь промышленности неизбежно развивалась циклами, сменами подъемов и падений. Наиболее отчетливо формулировка этой теории дана Марксом в следующих словах: «В этом охватывающем целый ряд лет цикле взаимно связанных между собой оборотов, к которым капитал прикреплен своей основной составной частью, *дана материальная основа периодических кризисов*, при чем предприятия последовательно переживают периоды ослабления, средней деятельности, стремительного размаха, кризиса. Хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее, *кризис всегда является исходным пунктом для крупных новых вложений капитала*; следовательно, рассматривая дело с точки зрения всего общества, он в большей или меньшей степени дает новую материальную основу для следующего цикла оборотов» ¹⁾). Маркс, конечно, не мог отрицать и не отрицал, что расширение «внешнего поля деятельности капитала» в состоянии усилить повышательную тенденцию

¹⁾ Карл Маркс. „Капитал“, ч II, стр. 163. Курсивы мои. III. Д.

и содействовать наступлению ажиотажа, грондерства и т. д. ¹⁾), но он нигде не делал попытки объяснить периодичность кризисов открытием внешних рынков. Повторяю: он вывел эту периодичность из явлений, имманентных «чистому» капитализму.

Р. Люксембург, правда, не занималась теорией промышленных циклов: она в своем анализе всюду «отвлекалась от кризисов и смены конъюнктур», предполагая, что «средняя величина представляет собой не только теоретическую, идеальную величину, но и реальный объективный факт». Для известных целей такое абстрагирование не включает в себе ничего незаконного с методологической точки зрения. Но суть дела не в этом, а в том, что признание основного тезиса Р. Люксембург логически неизбежно приводит к отрицанию всякой закономерности в колебании конъюктур. На самом деле, пусть дан кризис. Заработная плата низка, прибыли капиталистов—тоже. Больше некоторой данной наперед суммы они купить не могут. Подъем поэтому возможен только на основе «обмена веществ» с новым *некапиталистическим* рынком. Спасение только в нем, и только он может создать условия для высокой конъюнктуры. Но если это так,—а по теории Р. Люксембург выходит именно так,—то для периодического чередования циклов требуется периодическое же вовлечение в сферу влияния «чистого» капитализма, новых некапиталистических рынков. Джевонс сделал попытку объяснить интересующее нас явление периодическим появлением пятен на солнце. Его попытка, как известно, не увенчалась успехом, но факт тот, что он, для объяснения периодических явлений, искал периодически же повторяющихся причин. Исследователь, который безоговорочно принимает «Накопление капитала», должен был бы в своей теории промышленных циклов исходить из спорадических, по сути дела, *случайных* явлений. Болсс того, если бы он был последователен до конца, он должен был бы прийти к тому выводу, что никакой периодичности кризисов быть не должно.

Роза Люксембург и ее сторонники решительно заявляют, что отрицание основных положений «Накопления

¹⁾ См. 4-томный „Briefwechsel“ Маркса и Энгельса. Соответствующие места нетрудно найти по предметному указателю, приложенному к IV тому

капитала» приводит к тому, что империализм лишь факт, а не историческая необходимость. Стремительность в погоне за отдаленнейшими рынками сбыта и вывозом капитала, т.-е. наиболее яркие явления современного империализма, становятся загадкой. «В самом деле, зачем же весь этот шум? К чему завоевание колоний, война из-за опия в 40-х и 60-х годах и к чему, наконец, современная драка из-за болот Конго и месопотамских пустынь? Весь капитал может остаться у себя дома и добросовестно питаться» («Антикритика», стр. 35). Обратимся к экспорту товаров. Масса прибыли зависит от двух факторов: от количества товаров и от прибыли на единицу товара. Но прибыль на единицу товара под влиянием понижения цен, вызываемого техническим прогрессом, понижается. Отсюда закон массового производства и стремление сохранить или даже повысить массу прибыли за счет увеличения первого фактора—количества товаров. Подходя чисто «логически» к этому закону, тов. Бухарин пишет, что его «не нужно, однако, понимать в том смысле, что выход за пределы «национально»-государственных границ есть какая-то абсолютная необходимость; эта необходимость создается в процессе образования прибыли, и величина прибыли служит регулирующим принципом этого движения»¹⁾. И далее: «не невозможность деятельности внутри страны, а погоня за более высокой нормой прибыли, — вот что является движущей силой мирового капитализма. Даже современное «капиталистическое полнокровие» не является абсолютной границей. Более низкая норма прибыли гонит товары и капиталы все дальше от их «родины». Но этот процесс происходит одновременно в различных частях мирового хозяйства. Капиталисты различных «национальных хозяйств» сталкиваются здесь, как конкуренты, и чем сильнее рост производительных сил мирового капитализма, тем интенсивнее рост внешней торговли, тем обостреннее конкурентная борьба. И как раз последние десятилетия принесли с собой такие количественные изменения в этой области, что они приняли уже качественно иную формулировку (там же, стр. 51. Курс. Бухарина). Точно так же обстоит дело с экспортом капитала. Чем вызывается этот экспорт? Мы

¹⁾ Н. Бухарин. „Мировое хозяйство и империализм“, СПб. 1922, стр. 49. Последний курсив принадлежит Бухарину.

утверждаем, что *амирирующий капитал* мог бы найти себе приложение в лоне «чистого» капитализма. Значит, — скажет, например, тов. Тальгеймер, — это «яркое явление» современного империализма есть не более, как случайность. Ничуть не бывало. Для капитализма существует, как нечто императивное, не только стремление к прибыли, но и стремление к *максимальной* прибыли, и нет никаких преград, которые могли бы остановить его в этой необузданно-дикой жажде барыша. Дополнительное вложение капитала внутри капиталистической страны, абстрактно говоря, вполне возможно. Но оно, в виду усиления конкуренции, понижает норму прибыли, которая и без того низка в странах старого капитализма. Иное дело — колониальные или молодые капиталистические страны, показывающие индустриальным государствам картину их собственного прошлого. Тут норма прибыли стоит на таком высоком уровне, который давным-давно отошел в прошлое для «маститого» национального капитализма. Для капитала открывается, таким образом, русло наибольшей прибыли, и он по этому руслу устремляется. Здесь происходит такое же «неизбежное» явление, как с жидкостью, налитой в сообщающиеся сосуды или как с двумя соединенными друг с другом электрическими зарядами разных потенциалов¹⁾. Почему «количественные изменения» и в этой области получают в определенную историческую эпоху «качественно иную формулировку», — на этот вопрос также можно найти ответ, который опирается вовсе не на краеугольный тезис Р. Люксембург, а на специфический характер новейшего капитализма (См. цит. книжку Бухарина, гл. VIII).

Такова, по нашему мнению, марксистская, исторически-диалектическая постановка вопроса. Подавляющее большинство русских марксистов признает, что капиталист

¹⁾ Если капитал посылается за границу, то это происходит не потому, чтобы он *абсолютно* не мог найти применения внутри страны. Это происходит потому, что *за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли* («Капитал», т. III, стр. 237—238. Курс. мой). Впрочем, это признается и такими архи-буржуазными экономистами, как сотрудник «Deutsche Allgemeine Zeitung» (№ от 18/хI. 21): «Es ist für Amerika nicht ratsam das überschüssige Kapital im Lande selbst arbeiten zu lassen; hierdurch würde die Zinssätze gedrückt, und es würden auch noch andere unerwünschte Folgen zutage treten. Es bleibt daher als Ausweg die Verwendung im Ausland». Цитировано по Dr. M. Nachanson: «Die Weltwirtschaft vor und nach dem Kriege», В. I. Berlin 1922).

последней формации с его обезличенным капиталом, с его картелями, синдикатами и трестами, охватывающими нередко целые отрасли промышленности, со свойственным ему «сращиванием» промышленного капитала с банковым, которое создает своего рода единый хозяйственно-оперативный штаб, неизбежно влечет за собой адекватную ему империалистическую политику, — политику железа и крови, грабежа и насилия. Теория, развитая Тальгеймером на IV конгрессе Коминтерна, превращает империализм в явление, сопровождающее капиталистическое хозяйство на всем историческом пути его развития, начиная с эпохи первоначального накопления. Да и самый этот «империализм» есть по сути дела даже не модернизированное первоначальное накопление. Конечно, вольно каждому говорить об «империализме» восточных деспотий и древнего Рима; более того, можно рассуждать о пчелиных и муравьиных «империализмах». Но это будет свидетельствовать либо о злоупотреблении терминологией, либо о полной неисторичности соответствующих рассуждений.

«Если быть последовательным, — говорил на Конгрессе тов. Тальгеймер, — то отклонение «Накопления капитала» приводит не к борьбе за уничтожение капитализма, а к борьбе с империализмом, как с таковым», и он привел ряд пошло оппортунистических цитат из писаний германских социал-демократов, в том числе и Гильфердинга. Однако, цитаты эти (особенно выдержка из одной новейшей статьи Р. Гильфердинга) свидетельствуют вовсе не о том, что они построили свою тактику, логически базируясь на ложной теории. Дело объясняется гораздо проще: когда эти бывшие люди очутились лицом к лицу с призраком рабочей революции, они, перепугавшись, переменили старую тактику, действительно вытекавшую из старой теории Гильфердинга, и к новой тактике приспособили новую, не менее гнусную, чисто апологетическую теорию.

Для научного анализа вообще недопустимо расценивать ту или другую теорию с точки зрения желательности для интересов рабочего класса и социализма тех выводов, к которым соответствующая теория приходит. Но, даже принимая это положение, я утверждаю, что теория империализма, разделяемая руководителями нашей коммунистической партии (Лениным, Бухариным и Каменевым и др.)

при самом последовательном ее претворении в тактику приводит не к оппортунизму, а к самой революционной тактике и стратегии. Т. Тальгеймер думает иначе. Он полагает, что революционная активность русских коммунистов есть продукт теоретической непоследовательности. Мы уже подчеркнули, что можно признавать факт накопления в условиях «чистого» капитализма и, тем не менее, считать империализм исторически-неизбежным явлением. Так в чем же дело? Нам говорят, что мы не ставим «никаких границ *экономическому* развитию капитализма» (подчеркнуто Р. Люксембург, см. «Антикритика», стр. 34) и тем самым «выбиваем одну из основных марксовых опор социализма». Но так ли это на самом деле? Действительно, мы отрицаем процесс экономического самопожирания капитализма и отклоняем всякие представления об *автоматически-механическом* приближении капитализма к естественному концу. Начало конца того или другого способа производства, той или другой общественной формации наступает тогда, когда рост производительных сил вступает в противоречие с наличной системой производственных отношений. На определенном историческом этапе рост производительных сил вступил в конфликт с феодально-цеховыми производственными отношениями, и они были разрушены исторически восходящим классом. Но почему же, спросят нас, отрицающих экономическую концепцию Р. Люксембург, — почему структура новейшего капитализма стала тормозом для развития производительных сил? Монополистический капитализм ограничивает производство. «Контингентирование» производства становится повседневным явлением. Частно-капиталистические монополии покупают богатейшие участки земли и не разрабатывают их недр только для того, чтобы не давать outsiders'ам расширить производство и тем самым усилить конкуренцию. Что все это означает? Это означает, что новейшая система производственных отношений капиталистического общества становится тесной для производительных сил. А техника? Монополистический капитализм препятствует техническому прогрессу, вызывая в этой области застой и загнивание. Электрификация, — этот величайший технический переворот, который мог бы поднять «материальное производство» до недостижимых высот, —

становится неосуществимой в условиях капиталистической собственности. Это признаем не только мы: это признают и многие более или менее дальновидные представители из среды буржуазных инженеров. Разве этих фактов (не случайных, а необходимых) недостаточно для того, чтобы заполнить конкретным содержанием приведенную общую социологическую формулу Маркса? А так называемый «субъективный фактор» революции, крайнее обострение классовых противоречий, рост самосознания рабочего класса — разве отклонение теории накопления Р. Люксембург заставляет нас все это выкинуть за борт? В таком случае, причем тут «увечование капитализма» или «непоследовательность русских коммунистов»? Единственно возможный ответ со стороны Гальгеймера на этот вопрос таков: вы исходите из *социологического* анализа, тогда как нужно дать *механическое* доказательство постепенного самоуничтожения капитализма. Но марксист, конечно, не может предъявлять такого рода требований, ибо механическое понимание общественных явлений ему совершенно чуждо.

III. Дволацкий.

СОДЕРЖАНИЕ.

I-й отдел — Статьи:

	Стр.
К постановке проблем теории исторического материализма. — <i>И. Бу- хириш</i>	9
Исторический материализм и вопросы первобытной жизни. — <i>А. Бог- данов</i>	16
Диалектика в системе Фихте. — <i>А. Деборин</i>	28
Теоретические основы спора о золоте и товарном рубле. — <i>К. Преобра- женский</i>	59
Математические законы денежной эмиссии. — <i>О. Шмидт</i>	85
К теории рынка. — <i>П. Дезобриш</i>	100
Закон тенденции нормы процента к понижению. — <i>В. Е. Мотылев</i>	134
В защиту революционно-марксистского понятия классового права. — <i>П. Стучка</i>	159

Научная организация труда и производства.

Задачи научной организации труда и ее положение. — <i>О. Ерманский</i>	170
Персонализм Вильяма и Штерна в его отношении к психологии. — <i>Исаак Шпильсин</i>	200

II-й отдел—Стенограммы докладов, читаемых в Соц. Академии.

Проблема психологии в теории исторического материализма. — Доклад <i>М. А. Рейсера</i>	210
Прения по докладу О. Ю. Шмидта: «Математические законы денежной эмиссии», и заключительное слово докладчика	256

III-й отдел—Библиография.

Обзор литературы по мировому хозяйству. — <i>М. Бронский</i>	278
Обзор литературы по агр. реноу в п. о. у. — <i>С. Дудюевский</i>	295
Статистика 1918—1922 г.г. — <i>П. Попов</i>	311
Обзор научно-популярной литературы по теории относительности. — <i>В. Блзаров</i>	324
Литература по чартизму. — <i>Ф. Готтсман</i>	342
Обзор литературы о революции 1818 г. — <i>Ст. Крижач</i>	363
Старое и новое в доистории (обзор литературы по первобытной куль- туре. — <i>В. Никольский</i>	876

Рецензии.

(стр.

Оптимальные размеры с.-х предприятий (Труды Высшего Семинария с.-х. экономики и политики при Петровской С.-Х. Академии). — <i>Л. П. Крицман</i>	400
Макс Адер: Учение марксизма о государстве. — <i>Г. Лукач</i>	407
Кабо: Куда идет Франция — <i>М. М. Павлович</i>	411

Приложение.

Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения — <i>Б. А. Морозов</i>	415
Указатель русской литературы по положению рабочего класса. <i>С. П. Каплун</i>	421
Книги—издания 1921 г., полученные в кабинет:—Мировой войны и внешней политики — Соц. Академии.	433

IV отдел—Хроника.

Доклады в Социалистической академии	441
Издание «Соц. Энциклопедия»	—
Подарок уральских рабочих	442
Секции советского строительства	—
Секции по общей теории и истории права и государства	443
Библиотека Социалистической академии.	—